

Николай Добролюбов

«Губернские очерки»

Николай Александрович Добролюбов

«Губернские очерки»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3027345

Аннотация

Статья Добролюбова, появившаяся после выхода третьего тома «Губернских очерков», по своей идейной направленности примыкала к высказываниям Чернышевского, содержащимся в его «Заметках о журналах» по поводу первых очерков и в специальной статье, явившейся отзывом на первые два тома очерков. Чернышевский назвал «превосходную и благородную книгу» Щедрина одним из «исторических фактов русской жизни» и «прекрасным литературным явлением». «Губернскими очерками», по его словам, «гордится и должна будет гордиться русская литература». Здесь же была дана и меткая оценка Щедрина как «писателя, по преимуществу скорбного и негодующего».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Николай Александрович Добролюбов «Губернские очерки»

*(«Из записок отставного надворного советника
Щедрина. Собрал и издал М. Е. Салтыков. Том
третий. М., 1857»)*

Прошел с небольшим год с тех пор, как первые «Очерки» г. Щедрина появились в «Русском вестнике» и встречи были восторженным одобрением всей русской публики. До настоящей минуты г. Щедрин не сходит с своей арены и продолжает свою благородную борьбу, не обнаруживая ни малейшего истощения сил. Он печатает рассказ за рассказом, постоянно показывая в них, как велик запас его средств, как неистощим источник его наблюдений. Мало того: к нему постоянно присоединяются новые бойцы, и даже те, которые молчали до сих пор и прятались в толпе беспечных зрителей, — и те, смотря на него и «вящим жаром возгоря», отважно ринулись на поле бескровной битвы со всемогущим оружием слова. Публика все еще с любопытством следит за зрелищем этих подвигов, а рассказы в *щедринском роде* прежде всего прочитываются в журналах. Но нельзя не видеть, что теперь нет уже ни в публике, ни в литературе прежнего увлечения, прежней горячности и что многие донаши-

вают теперь сочувствие к общественным вопросам, как старомодное платье. Кто начал читать русские журналы только с нынешнего года и не имеет понятия о том, что было у нас два года тому назад, тот потерял несколько прекраснейших минут жизни. Странно говорить об этом времени как о давно прошедшем; но тем не менее нельзя сомневаться в том, что оно прошло и что не скоро русская литература дождется опять такой же поры. Мы вообще как-то очень скоро и внезапно вырастаем, пресыщаемся, впадаем в разочарование, не успевши даже хорошенько очароваться. Растем мы скоро, истинно по-богатырски, не по дням, а по часам, но, выросши, не знаем, что делать с своим ростом. Нам внезапно делается тесно и душно, потому что в нас образуются всё широкие натуры, а мир-то наш узок и низок, – развернуться негде, выпрямиться во весь рост невозможно. И сидим мы, съжившись и сторбившись «под бременем познания и сомнения»^{1} в совершенном бездействии, пока не расшевелит нас что-нибудь уже слишком чрезвычайное. Один из ученых профессоров наших, разбирая народную русскую литературу, с удивительной прозорливостью сравнил русский народ с Ильей Муромцем, который сидел сиднем тридцать лет и потом вдруг, только выпивши чару пива крепкого от калик переходящих, ощутил в себе силы богатырские и пошел совершать дивные подвиги. В самом деле, вся наша история отличается какой-то порывистостью: вдруг образовалось у нас го-

^{1} Цитата из стихотворения Лермонтова «Дума» (1838).

сударство, вдруг водворилось христианство, скоропостижно перевернули мы вверх дном весь старый быт свой, мгновенно догнали Европу и даже перегнали ее: теперь уж начинаем ее побранивать, стараясь сочинить русское воззрение... Так было в большом, то же происходило и в малом: рванемся мы вдруг к чему-нибудь, да потом и сядем опять, и сидим, точно Илья Муромец, с полным равнодушием ко всему, что делается на белом свете. Два года тому назад нас расшевелила война, заставивши убедиться в могуществе европейского образования и в наших слабостях. Мы как будто после сна очнулись, раскрыли глаза на свой домашний и общественный быт и догадались, что нам кое-чего недостает. Едва эта догадка озарила наш ум, как мы, с редкою добросовестностью и искренностью, принялись раскрывать «наши общественные раны»^{2}. Теперь многие уже начинают смеяться над этим, и скептики, уверявшие с самого начала, что все это —

Тяжелый бред, души больной,
Иль пленной мысли раздраженье^{3}, —

теперь злобно торжествуют, иронически поглядывая на взрослых детей, всегда склонных к увлечению и видящих все

^{2} Неточная цитата из статьи Гоголя «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность?» («Выбранные места из переписки с друзьями», 1846). Гоголь говорит о «ранах и болезнях нашего общества», раскрытых комедиями Фонвизина «Недоросль» и Грибоедова «Горе от ума».

^{3} Цитата из стихотворения Лермонтова «Не верь, не верь себе...» (1839).

в розовом свете. Но как хотите, а над ними нечего смеяться: в их увлечении было так много прекрасного, благородного, так много юности и свежести. Любо смотреть было, в самом деле, на общее одушевление: самый робкий, самый угрюмый человек не мог, кажется, не увлечься, видя, как все единодушно и неутомимо хлопотали о том, чтобы раскрыть «наши общественные раны», показать наши недостатки во всех возможных отношениях. Каких тогда вопросов не подняли, до каких закоулков не добрались!.. «От Перми до Тавриды»^{4} пронесся один громкий энергический возглас: идите все, кто может, спасти Русь от внутреннего зла! И все поднялось, все заговорило – твердо, сильно, разумно. Старые люди стряхнули, по-видимому, свою давнишнюю лень, возникли молодые деятели и с свежими силами принялись за общее дело. Литература как всегда послужила первою выразительницею общественных стремлений, приводя их в ясность и умеряя их силу строгим и обдуманым обсуживанием всех затронутых вопросов. И литература получила, по-видимому, общественное значение: она почти исключительно обратилась к тем вопросам, которыми занято было внимание публики. Публика заговорила о путях сообщения, и в журналах были десятки статей о железных дорогах и других средствах сообщения, с искренним сознанием, что до сих пор мы мало имели хороших дорог и оттого немало потеряли. Поднялся вопрос о тарифе, и тотчас явился ряд статей о свободной торговле и

^{4} Цитата из оды Пушкина «Клеветникам России» (1831).

запретительной системе. Обратили внимание на экономические отношения народа, и литература заговорила о состоянии земледельческого класса, о свободном труде и других экономических вопросах, выставляя преимущественно, чего у нас нет и что нужно сделать. Послышались в обществе голоса о важности воспитания и о неудовлетворительности того, что доселе у нас было принято, – и тотчас о воспитании пишутся горькие статьи, предпринимаются педагогические журналы^[5], и публика тем большими рукоплесканиями вознаграждает статью, чем более горька правда, в ней высказанная. Поднимается голос против злоупотреблений бюрократии, – и «Губернские очерки» открывают ряд блестящих статей, беспощадно карающих и выводящих на свежую воду все темные проделки мелкого подьячества. Горькие упреки слышались отовсюду, и никто не думал противоречить им. Поэты и прозаики, ученые и дилетанты, теоретики и практики – все бросались самоотверженно в мрачное болото невежества и злоупотреблений с пламенником обличения. В душе их кипела могучая сила, их речи горели огнем вдохновения, сожигая плевелы родной нивы. Восстань, поэт!^[6] – ободряли поэты самих себя, размышляя о своем призвании, —

Да звучит твой стих обронный,

[5] В 1857 г. начали выходить «Русский педагогический листок» (под ред. Н. А. Вышнеградского) и «Журнал для воспитания» (под ред. А. А. Чумикова).

[6] Цитата из «Пророка» Пушкина (1827).

Правды божией набат,
В пробужденье мысли сонной,
В кару жизни беззаконной,
На погибель всех неправ^[7].

Борьба во имя высшей правды против мелких интересов времени! – восклицали высокообразованные критики. «С первых лет жизни, при самой начальном воспитании, должно приучать к этой борьбе, которая ожидает в нашем обществе каждого порядочного человека!..» – «Наука должна смело вступить в борьбу против невежества и предрассудков», – говорили лучшие из наших ученых^[8]. «Мы должны благодарить войну за то, что она открыла нам многие темные стороны нашей жизни, против которых мы дружно должны идти теперь, отстаивая честь родины!..» Эти мощные, благородные, бескорыстные призывы не могли не находить отклика в сердцах людей, сочувствующих благу отечества, и точно – у многих, сердце билось сильнее от этих вдохновенных звуков. Многие с грустной улыбкой, даже со слезами на глазах выслушивали русскую всенародную исповедь, но потом гордо поднимали голову, давая торжественный обет деятельности честной, неутомимой и безбоязненной. Были и такие, силою обстоятельств и собственной слабостью увлеченные в пошлость жизни, которые с ужасом смотрели на собственное

[7] Цитата из стихотворения Н. Ф. Щербины «Поэту» (1855).

[8] Добролюбов пересказывает основные положения статьи Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», напечатанной в «Морском сборнике», 1856, № 9.

поприще и с горечью сознавались в его гадости. И что имели в виду все эти люди? Что заставляло их с таким увлечением подвергать себя торжественному самообвинению? Ничего особенного. Они просто повторяли слова одного из своих глашатаев:

Раскаянья слеза нам будет в облегченье
И к новым подвигам нас мощно воззовет, —

и добродушно верили, что вслед за словом не замедлит явиться и дело. Самое пустозвонство приняло тогда характер серьезно-обличительный. Пустейший из пустозвонов, г. Надимов, смело кричал со сцены Александрийского театра: «Крикнем на всю Русь, что пришла пора вырвать зло с корнями!» — и публика приходила в неистовый восторг и рукоплескала г. Надимову, как будто бы он в самом деле принялся вырывать зло м корнями...^[9] «Что смеетесь? над собой смеетесь», — вслух припомнил слова Гоголя кто-то из скептиков во время одного из представлений «Чиновника». Но эти слова никого не смутили: на скептика соседи его посмотрели так гордо и прямо, как будто бы хотели ответить ему

^[9] Комедия В. А. Соллогуба «Чиновник» (1856) и ее герой Надимов, «пустейший из пустозвонов», по определению Добролюбова, были высмеяны критиком в статье «Сочинения графа В. А. Соллогуба» («Современник», 1857, № VII) и в стихотворении: «Пора!» («Современник», 1858, № XI). Сатирический намек на комедию Соллогуба находится и в очерке Щедрина «Озорники»: «Один какой-то шальной господин посулил даже гаркнуть об этом на всю Россию».

словами того же комика: «Да, над собой смеемся, потому что слышим благородную русскую нашу породу, потому что слышим приказанье высшее быть лучшими других»^{10}

^{10} Слова первого комического актера из «Развязки» Ревизора» Гоголя (1846).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания